

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ ТА ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКИ

УДК 821.162.1.09:001.4

Данута Улицкая

«СУБ-» «ПРЕ-», «ПОСТ-» «ИНТЕР-», ИЛИ КАК ПРЕФИКСАЛЬНЫЕ ФОРМЫ ИГРАЮТ В ТЕАТРЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКОГО ЯЗЫКА

У статті досліджено наслідки когнітивних процесів, які вплинули на способи створення і функціонування (переважно завдяки префіксації) літературознавчих термінів у найновіших працях.

Ключові слова: *термін, контекст, деривати, джетти, пресупозиції, дискурсивне поле.*

В статье исследованы результаты когнитивных процессов, которые повлияли на способы создания и функционирования (чаще всего префиксации) литературоведческих терминов в самых современных работах.

Ключевые слова: *термин, контекст, дериваты, джетты, пресупозиции, дискурсивное поле.*

The results of the cognitive processes which influenced on the methods of creation and functioning (more frequent all prefiksacii) of study of literature terms in the most modern works are investigational in the article.

Key words: *term, context, derivatives, dzhetty, presupositions, discursive field.*

Терминология мира мысли всегда была немного неустойчива [1]

1. Старое и новое литературоведение

Для того, чтобы справиться с положением Грица, которое Лютер должен был сформулировать бесцеремонно, а именно: «Выступай решительно, открой рот и быстро заканчивай», ограничу вводные замечания до минимума. Отмечу только, что тема сформулирована под влиянием студии Александры Окопень-Славиньской «Как личные формы играют в театре языка» [2] 1977 года, в то время как непосредственным толчком к изучению ее послужили размышления Жака Дерриды десятью годами позднее. «Несколько замечаний и трюизмов о неологизмах (ню-

измах, пост-измах, пара-зитизмах и других малых сейсмизмах) [3]. Представленное в них с меланхолией понимание процесса канонизации, а затем выхода из употребления уникальных теоретических идей и неповторимых названий в силу их аппликации и удвоения, и тем самым их схождения на уровень лексографии, поразительно хорошо подходит к тому спектаклю, который разыгрывается на литературоведческой польской сцене.

Вопреки теме, рассматриваемая проблематика касается не столько литературоведческого языка — который привносит лишь материал, — сколько все еще будоражащих воображение отношений между теорией литературы и ее историей. Чтобы ее представить, не упуская в обобщениях об «обращениях», «разрывах», «новой науке» и полемике с такими интерпретациями эволюции теории, сосредоточиться на литературоведческих терминах, тех некогда Хласковых «наисвятейших словах нашей жизни, которые все чаще отдаются под залог «экуменических», как их элегантно называют, дефиниций, что «термином является то, что признают в качестве термина» [4]. Речь пойдет не о нормативном употреблении, но о собственно историческом сравнительном понимании этой перманентно неясной в литературоведении категории.

К рассмотрению отношений «теория — история теории» в специализированном ракурсе, во всяком случае, отличающегося от всех иных, лексикона литературоведческих исследований побуждает одновременно постулат Грeenблатта, чтобы рассматривать новейшие теоретические работы «в контексте поисков нового состава терминов» [5], как тезисы специфически, т. е. дословно интерпретированного лингвистического оборота. Языковедческий подход к новым и наиновейшим литературоведческим терминам позволяет, как известно, ввести временные координаты в привилегированный пространственный образ их связей и зависимостей, очерченных на основе «кросжанрового анализа» и нанесенных на карты блуждающих понятий [6] Корректировка, учитывающая параметры времени, является необходимой, если принять во внимание замечания Грeenблата про опознавательные новшества состава предложенных в наиновейших работах терминов.

2. «Термин» — термин беспокойный

Анализ специфической литературоведческой лексики не относится к популярным занятиям. Он никогда не пользовался особым успехом. В противоположность терминологии других дисциплин (технических, медицинских и юридических, а, прежде всего, точных наук — физики, астрономии, химии, математики) и названий из сферы практической жизни (охоты, ремесел), которые дождалась многих разработок, нормативных, а также теоретических определений [7], им посвящены немногочисленные исследования. Последние польские работы относятся к 70-м годам прошедшего века [8]. Лакуны этой не заполняют общие терминоведческие работы, так как наука в них в основном представлена как единое целое дискурсивное поле [9]. Эти пробелы не восполняют также работы, посвященные специальной лексике, в так называемых общественных и гуманитарных науках, даже если учесть, что за вторую половину 20-го столетия они заимствовали термины, разработанные в литературоведении [10].

Почему наши термины не дождалась, что ими заинтересуются специалисты по терминологии или лингвистике? И как объяснить низкую активность самих литературоведов в работе над этой частью собственного языка, также в период поворота к лингвистике и риторике? Поскольку терминология — это часть языка, которая, видимо, в самой высшей степени подчиняется влиянию человека, то она должна возбуждать наибольший интерес в контексте возрастания роли субъективного творчества в науке [11]. За это время довольно подробно исследованы стандартные жанры, стили и дискурсы, но не лексика.

Обычно это положение вещей объясняется историческим развитием научной культуры, начиная от современного до постсовременного периода. При этом отмечают, что даже во времена того, когда литературоведение воспринималось как точная теоретическая наука, статус литературоведческого термина был довольно сомнительным, как как теоретический термин приобретает значение благодаря позиции в определенном «терминологическом поле» и требует определения [12]. Только

немногие единицы и только в некоторых областях литературоведческого исследования удовлетворяли этим требованиям, термины в точном смысле — это, по существу, сфера версологии, отчасти стилистики и генологии, но уж никак не нарратологии, фабулогии и метафорологии. Трудно было бы также считать единицы нашего языка терминами-названиями, так как они должны основываться на данных наблюдения и относиться к определенным десигнатам. В то же время онтологическая специфика теоретико-литературного предмета такую определенность отвергает. Короче говоря, литературоведческая лексика даже в эпоху синкретизма относилась скорее к «префабрикатам» или «полутерминам» [13], чем к терминам. Это также не могло вызвать слишком большое уважение. Тем более перестало вызывать уважение после изменения системы ценностей, когда аура нетерпимости ко всякой ортодоксальности, в том числе также к правильности дефиниций и терминологической точности позволяла свободное творчество. Если в работах (и не только литературоведческих) доминируют новые «лексические единицы-неологизмы, окказионализмы, окказиональные текстуализмы — издаваемые для одного текста» [14], не единожды представленные графически и нестандартные с точки зрения орфографии, то их описание, тяготеющее к обобщениям, утрачивает предмет и цель.

Стоит проверить это стереотипное разъяснение ситуации современных и новейших терминов, ответственной за терминоведческие лакуны. Аргументация, которую в ходе этого выяснения приводят, одновременно постулируя о радикальной инновационности нового новейшего литературоведческого словаря, кажется невероятной. Чтобы не вдаваться в безнадежную дискуссию о терминологическом, полутерминологическом, квазитерминологическом, терминоидальном статусе единиц словаря, можно принять за основу, что термин в нашей дисциплине ведет себя как имя собственное теории, лозунг, вызывающий ее и идентифицирующий — как ее сокращение, «эквивалент целой системы предложений» [15].

3. Назови мне свой термин, и я скажу, кем ты являешься

Известно, и не только из работ Грeenблатта, что удачный термин либо удачное название является ключом к научному успеху либо к поражению. Непонимание, возникшее по отношению к концепции Ивана Бодуэна де Куртене, которого в течение долгого времени упрекали в психологизме, в значительной степени является эффектом ошибочных терминов, используемых им для изложения своей теории фонем. Фердинанд де Соссюр в свою очередь также умолчал об этом, поскольку ему не удалось найти соответствующие названия для вновь открытых явлений, а существующим словарем он пользоваться не хотел [16]. В историческом срезе теории литературы также разыгрывались битвы на почве всего нового в сфере языка. Очень редко и то, собственно, в период рождения совместной теории, использованное в этих битвах оружие, если и не происходило из древнегреческого арсенала, то сразу приобретало терминологический характер. Обычно именно цельность лексического изобретения способствовала его введению в обиход. В результате этого случайное и зачастую двузначное название становилось термином, трудно при этом определяемым даже для самого первооткрывателя. Собственно, ни о ясности, ни о точности при этом речь не шла.

Иногда странные неопределенные названия спасали науку. «Придумали сложную терминологию. Не понимаем ее. Не понимаем того, о чем пишет Лотман. Он пишет, как Виноградов. Нельзя так плохо писать о литературе», жаловался Шкловский, который не помнил подобные упреки в свой адрес, направляемые ему — формалисту ОПОЯЗа и Петербургскому главе Московского Лингвистического кружка [17]. В то же время призрачные, но сохраняющие иллюзию научной конкретности эзотерические термины Тартуской школы семиотики были не просто лексическими единицами со специальным статусом и даже не только, как это часто бывает с терминами, «пропагандой идеалов и ценностей, литературных и внелитературных» [18], используемых в качестве прокламации, а не аргументации. Этого требовал вненаучный контекст. Непонятные и недоступные, опирающиеся на принципы «услож-

ненной формы» тартуско-московские термины успешно выполняли свои функции защиты от цензуры [19].

Бывало так, что названия, которые в будущем стали терминами, создавались под воздействием амбиции сближения литературоведческого и литературного языка. Так мотивировал свои мысли Януш Славинский, отмечая, что они исходили из текста анализируемой поэзии и имели двойственный характер несобственно-прямой речи, сокращающей дистанцию «между голосом» интерпретатора и коллективным «голосом» героев повествования [20].

Какими бы ни были причины и механизмы создания названий в новейшей теории литературы, очевидно то, что частота употребления и узус определяли введение удачного индивидуального изобретения в качестве приема, обрамленного названием «Словарь литературных терминов» [21]. Терминологический статус продлевали междисциплинарные путешествия. Распространенные в этой сфере «блуждающие» термины, если так их можно назвать, освобождались от привычного (родимого) контекста, с которым были методологически связаны, подчинялись утрате смысла, что доходило до перехода в пустые названия, оставленные для произвольного арбитражного заполнения смыслами [22]. Так можно описать историю приема «остранения» Шкловского, понятия «деланного» формалистов и Филонова, «сюжета» Эйхенбаума, «хронотопа» Бахтина, «вторичных моделирующих систем» Лотмана [23].

Какой видится сегодня эта ситуация? Она не изменилась. Изменился только стиль повтора и его предмет. «Прием повторения» осуществляется, как кажется, не (и не в первую очередь) на лексическом уровне, а на уровне словесного творчества.

Достаточно заглянуть в какой-то из номеров ведущих литературоведческих периодических изданий, чтобы сразу же в перечне содержания, споткнуться о Дерридианские «малые словечки», называемые также «Jetty» — что интересно, так как в польском языке портных — это отдельно прикрепляемые украшения, что, конечно, искушает возможностью произвольного розыгрыша омофонического случайного события?

В «New Literary History» 2010 года встречаем ряд терминов, которые начинаются с «in», «of», «from» в «Daedalus», в следующем выпуске увидим «post», «pan», «intra», «inter», «trans», «pro». Списки их польских соответствий можно найти в таких формулировках, как постулат «реконцептуализации и реинтерпретации сложного трансгрессивно-прогрессивного характера» [24].

Собственно эти небольшие словечки, малые «сейсмизмы», либо самоклеки-джетты, служат созданию нового, так называемого окончательного словаря наиновейшего литературоведения. В этом словаре доминируют префиксальные конструкции [25], начинающиеся с по-, пре-, ре, интер-, пост-, транс-, микро-, мульти-, поли-, пара-, пре-, дис-, суб-, альтер-. Их частотность значительно превысила другие типы новых терминов. Лидируют по частотности по сравнению с 1) неологизмами и окказионализмами (такими, например, как заимствования, назначение, которых — названия методологических процедур: эхография, томография, энцефаллография.); доминируют по отношению к 2) апофатическим конструкциям (отрицательным с частицей не-, таким как нестабильность, незакрытость, неясность, незавершенность, непонятность, необъяснимость, не-до-определенность, невыразимость); 3) доминируют даже над англицизмами, которые окончательно вытеснили закрепившиеся, приспособленные к польскому, оригинальные термины (в частности «дефамилиаризация», использованный вместо приема остранения; «гетероглозия», используемый в трех, обозначенных различными названиями, типах отличий форм высказывания) [26]. Чтобы ответить на вопрос, как эти преобладающие конструкции с выраженным элементом пресупозиции, которые в смысле частотности уже набрали терминоподобный статус, играют на сцене литературоведческого языка, что на ней изменяется и изменяется ли (чтобы не сказать, как ее реаранжируют или «реконфигурируют»), опишу ее и упорядочу, используя нормативы гнездового словообразования.

Префикс, который присоединяют к основному слову либо к его корню, служит, как известно, созданию произво-

дных выражений. Новые термины наиновейшего литературоведения — это, собственно, такие дериваты. Образуются на основании простого в применении принципа, в результате автоматического добавления к существующим терминам пресуппозитивных частиц. Это, утверждают знатоки, типичный механизм «для терминологии на начальном этапе развития лексики специальной области» [27].

Отличительной чертой новых литературоведческих терминов является основа. Ее представляют старые термины (т. е. термины новейшего времени), значение которых новые термины модифицируют благодаря использованию «положительного приема» — по аналогии к приему «отрицания» Лотмана [28], т. е. присоединения семантически активной пресуппозитивной частицы». Значения старых терминов модифицируются при этом постоянно, независимо от того, с каким выражением заглавного слова, с какой частью речи префикс соединяется, изменение семантики основы наступает в том же самом направлении. Поэтому можно их упорядочить в своеобразные «терминологические гнезда» [29]. Некоторые единицы войдут в них не с точки зрения значения их основы (базы), а только префикса. Этот префикс свидетельствует об объединяющих их родственных связях.

Как известно из структурной и когнитивной семантики, предлоги (а также префиксы) имеют устойчивые временные и пространственные значения [30]. Кажется, что сохраняют они эту способность также тогда, когда входят в состав новых терминов. Более того, эта особенность распространяется также на те новые термины, которые со словообразовательной точки зрения являются композитами (большинство новых терминов — это *nominaactionis*; можно, следовательно, в них наблюдать изменение смысла в связи с частями речи). Используя, таким образом, семантический критерий, который из аспектов — пространственного или временного — перешел в целевую сферу в результате добавления пресуппозитивной частицы, удобно уже упорядочить новые термины. Упорядочиваются они во 1) временные гнезда, построенные из новых терминов с префиксами, обозначающими главные названия

дисциплин, школ, методов и процедур, а также немногие названия объектов исследования и 2) пространственные гнезда, в которых новые термины означают объект либо отношения между объектами.

Ко временным гнездам относятся термины с пресуппозитивными частицами, такими как:

1. пост- или по-: постструктурализм, постколониализм, постзависимость, постконвенциональность, постмодернизм, постсовременность, постистория, постсемиотика, постгуманизм, постистория, постполис;
2. пост-пост-: пост-постмодернизм, пост-постструктурализм;
3. препост: препостмодернизм, препостструктурализм;
4. ре-: редефиниция, реартикуляция, реинтерпретация, ретекстуализация, реконцептуализация, реклассификация, релокация, реактивация, рефокализация, ренаррация, ререлятивизм
5. де- или дис-: деконтекстуализация, дефамилиаризация, деконструкция, делокализация, деидентификация, дисконтинуация.

В пространственных гнездах содержатся новые термины, созданию которых служили префиксы, такие как:

1. пере-: перенаправление, перемещение, переписывание;
2. транс-: трансисторичность, транслокация, трансдисциплинарность, транскультурность, транскультурная локальность, трансмодернизм;
3. ультра-: ультрадисциплинарность;
4. над-: надписывание, надинтерпретация;
5. интер-: интертекстуальность, интердисциплинарность, интермедиальность, интеркультурность, интерреляционность;
6. гетеро-: гетероглозия, гетерономия, гетерокосмика;
7. микро-: микронаррация, микроанализ, микроистория;
8. суб-: субверсия, субъект, субъектификация;
9. альтер-: альтерактивность;
10. мульти- или поли-: мультиконтекстуальность;
11. пара-: паралогика, параконтекст;
12. мета-: метафигция, метанаррация, метаповествование, метатаритория [31].

К этой над- или даже суперпродукции еще можно добавить сложение двух слов с подобными суффиксами (такими как «глокальность» либо «глокализация»). Возможность создания новых терминов путем приклеивания префиксов к старым, «залежавшимся» терминам, значительно шире (список префиксов, еще не задействованных, достаточно длинный). Все время создаются новые. В доксографической текстовой практике не всегда понятно, какие семантические нюансы отличают новые термины. Они различаются префиксацией, но имеют ту же основу (такие, как де-констуализация и ре-констуализация).

Префиксы особенно легко приклеивались и приклеиваются к «тексту». Имеем сегодня интертекст и интекст, ко-текст и кон-текст, пре-текст и прото-текст и всяческие женнетовские архи-, пара-, мета- и гипер-тексты. И не удивительно, что «текст» — это общий термин для современной и посовременной теории, к тому же наиболее стабильный из унаследованных из прошлого, но и чаще всего являющийся предметом дискуссии, так как все еще многозначен и неточен. Служит, к тому же, что парадоксально, в качестве имени собственного и в старой, и в новой теории. В последней он функционирует как паразит, подобно тому, как и «структура», потому что старая теория в новой отождествляется с формально-структурно-семиотической концепцией — с присущим ей «птичьим языком», показательным для «аутистического сциентизма» [32].

Естественно, представленная ситуация надпродукции среди новых терминов префиксальных дериватов и композитов с иноязычным членом является в определенной степени нормальной. Она же в целом присуща общему современному польскому языку. В польской научной речи, прежде всего в ее терминологической сфере, главенствует издавна. Важно, однако, что растущая в общеупотребляемом языке апробация для префиксальных структур стирает терминологический статус гибрида, то есть делает термин незаметным. Поэтому, наверняка, некоторые новые термины пишутся с дефисом или косой линией для того, чтобы отличить их значение от значения этих же слов в разговорной речи, которое у них такое же, как у большинства «общеупотребительных лексических знаков»

[33] (в таком случае они имеют два равноправных ударения, усиливающих семантическую роль первого члена) [34].

Но новые литературоведческие термины представляют тенденции, отличные от тех, которые наблюдаются в общеупотребляемом польском языке. Прежде всего иной является частотность употребления префиксов. Насколько в польском языке наиболее продуктивными являются префиксы «анти-» и «нео-», настолько они непродуктивны в литературоведении. На втором месте, с точки зрения продуктивности, в общеупотребляемом польском языке находится префикс «контр-», который, кажется, выпал вообще из репертуара новых терминов. В свою очередь, весьма активны в новых терминах префиксы «де-» и «диз-», в общеупотребляемом характеризуются самой низкой активностью [35]. Только «пост-» и «ре-» выступают с равной частотностью в обоих вариантах польского языка.

Уже само сравнение академического и разговорного языка выразительно указывает на охарактеризованные закономерности. Во-первых, из игры на литературоведческой сцене выпали «dzety», которые были еще недавно ключевыми в старом словаре, которые выражали временные отношения. К ним относятся приставки: (1) «нео-», доминирующая в начале XX века, сигнализирующая об отнесении к прошлому, но с надеждой на создание новой ее версии; (2) «пре», указывающая на выведение нового из старого и процесс его продолжения (кроме «преструктурализма» и «препостмодернизма», в новом словаре литературных терминов других не встречала) и (3) «про-то-», подобным образом модифицирующая значение.

Другая закономерность — это полное исключение сегментов, выражающих оппозицию, борьбу и отвержение, таких как «анти-» и «контр-». В запасе новых терминов их роль берет на себя частично префикс «де-», обозначающий «в общем говоря, — отрицание, отход чего-то или ликвидацию, утрату каких-либо черт явления, процесса, названного производящей основой» [36], то есть посредством старого термина. «Де-» и «дез-» являются, однако, более мягкими префиксами, чем резкие «анти-» и «контра-» и, очевидно, имеет агональную природу под влиянием военизированного языка политики.

4. «Тут произошло изменение» на сцене литературоведческого языка

Первое изменение, о котором сигнализируют новые термины, касается концептуализации исторического процесса в литературоведении. В первой половине XX века отношение между прошлым и предполагаемым будущим, имплицитное посредством свойственных теории литературы терминов, обращало новое против старого. В рождающейся в начале столетия теоретико-литературной дисциплине, как и во всем «Первом Авангарде, доминировал лозунг нового начинания «все с самого начала», — разрыв со старым и полная независимость от него [37]. В теории литературы второй половины XX века, как и во всем Втором Авангарде, эта боевая ликвидаторская позиция уступает место позиции сохранения, примирения: старое не побеждено, но модифицировано; оно мутировало, но сохраняется в памяти — **одним словом**, не-продолжается. Во всяком случае, именно это, вопреки нежеланию новомодной теории и ее дезавуированию, следует из терминов, показательных для посовременной теории. Более того, новые термины однозначно указывают на необходимость «ре-активации» некогда декларативно отвергаемой современной теории литературы (или скорее всего ее синекдохической версии, представленной посредством обобщенного структурализма, который во многих распространенных интерпретациях вбирал в себя не только формализм и семиотику, но также феноменологию и герменевтику). О неизбежности возрождения старой теории свидетельствует механизм создания новых терминов. Если в лексике современного литературоведения первой половины XX века доминировали терминологические заимствования из других наук (исторически изменяемых, но, прежде всего, из биологии, кибернетики, языкознания), а термины-дериваты в ней почти не выступали, то в посовременном литературоведении замечаются «родные» инспирации. В преобладающей в нем группе терминов-дериватов основой является старый словарь теоретического современного литературоведения, трансформированный по принципу «приклеивания украшений».

С этой целью — и это второй повод непрерывного «реактивирования» старой теории — принципиально изменились

условия доступности новых терминов. Старые термины требовали пояснения, в идеале — описательной дефиниции, во всяком случае знакомства со всей концепцией, которой они служили, свойственной ей системе понятий. Изредка они парафразировались или поддавались субституции.

Новые термины оказались в совершенно другом положении; они доступны под условием знакомства с их «отрицательной», аффиксальной версией, т.е. под условием понимания значения и функционирования этих версий в старой теории, из которых берут производящие основы. Новые термины играют, собственно, на другой литературоведческой «сцене», как бы выразился Fillmore, на такой, которая заставляет открывать «семантические кулисы». Поэтому они ставят перед пользователем иные требования, предполагая знакомство с ролью старых терминов в сценариях современной теории, а вместе с тем их игры, воспроизведенной на сцене или (чаще) *proscenium* современной теории.

Новые термины тем самым утверждают жизнеспособность современной эпохи (к словарю которой непрерывно отсылают их основы), а ежели они не утверждают жизнеспособность, то, по крайней мере, свидетельствуют об отсутствии лучшей традиции, которую можно было бы освоить. Хорошо это показывают те черты современной эпохи, которые в прототипных интерпретациях либо вытеснены, либо забыты.

Будет уместнее приостановить этот отдающий психоанализом вывод и задуматься, что же новые термины изменили в процессе становления предмета литературоведения. Иначе говоря, какие объекты являются моделями новых терминов, и как эти объекты истолковываются на литературоведческой сцене?

Сценографические описания по отношению к новому объекту обычно указывают на его систему отношений (зависимость от пункта видения, системы отсчета, контекста); на нестабильность (незакрытость, незаконченность, незавершенность, неопределенность); на пограничность (одновременную принадлежность к различным сферам и контекстам, а тем самым на неточность или невыразительность, размытость, а отсюда — непонятность, необъяснимость, не-до-про-читанность). Такая характеристика, однако, противоречит исчезновению темпорального

аспекта в новых терминах, в которых все привилегии отданы пространственному аспекту. Исчезновение это ведет к сильной субстанциализации объекта (при всей наисовременнейшей антисубъективистской идеологии) до его полного отвердения, остановления — в незавершенности и неопределенности.

Другое дело, является ли упмянутое решающее влияние контекста, который должен свидетельствовать о мерцании всегда нестабильного и неуловимого объекта посовременного литературоведения, и постоянное изменение контекстов, в которых он появляется, новшеством, неведомым старой теории. Происходящая постоянно в истории литературы реконтекстуализация и вытекающая из нее деканонизация — это ведь основной тезис Шкловского, воспринятый Тыняновым [38], позаимствованный пражскими и польскими структуралистами, а затем представителями семиотики — константа современного литературоведения со времен (более или менее точно) 1927–1928, и, безусловно, с 1929 года. С этой точки зрения ничего не изменилось.

Изменилось зато понимание контекста. Отцы-основоположники теории литературы хорошо отличали действительные и кажущиеся контексты [39]. Сегодня же каждая реконтекстуализация в равной степени важна, существенна, имеет творческий характер, каждая вводит «неожиданные нормы познания» [40]. Необязательным стало обоснование выбора позиций отнесения; довольно того, что есть другая, оригинальная, до этого неактивизированная. Это придает посовременной теории и истории литературы характер закоренелого эксперимента. Наивысшей ценностью результатов такого эксперимента является инновация. Условием ее, в свою очередь, становится непрерывное изобретение «нового словаря» — его «непрерывное обновление» [41], которое должно возбуждать исследовательское воображение.

Надо будет опустить очевидный комментарий, — что эксперимент, ставкой которого является новизна, что ценность инновации, инвенции, однократности — является сущностью старого и, как видно, неустаревшего модернистического проекта — чтобы спросить, является ли на самом деле предлагаемый словарь новым?

Языковое творчество стало повсеместным правилом, если не принуждением, стимулированным тем убеждением, что новые структуры понятийных репрезентаций «воздействуют на открытость восприятия, на оригинальность мышления, на то, что кажется интересным», а что — возбуждающим страх своей неопределенностью [42]. Оно вошло в плоть и кровь, стало повседневностью и заурядностью настолько, что трудно уже говорить об изобретательности и даже об оригинальности. Оказиональные текстуализмы, повторяемые и размножаемые, утрачивают познавательные преимущества, которыми должны были обладать. Злоупотребление не дает уже шансов для исследовательского завоевания дальнейших территорий познания [43]. Тем меньшую силу обновления имеют новые термины-дериваты, прозрачные в словообразовательном отношении, которые не только опираются на старые термины, но и легко восстанавливаются. Следовательно, предмет посовременного литературоведения, который по намерению должен был стать многоаспектным и разнообразным (и языковым, и культурным, и системным, и единичным, неповторяемым и одновременно серийным), стал весьма стандартным. Сам механизм образования новых терминов сдерживает познавательное воображение.

Так это выглядит, по крайней мере, в доксографической теории литературы, в «низкоакадемических» практиках и в популярном обыденном потоке знания — в «газетном» знании, как его назвал в 1936 году Эйхенбаум, а 50 годами позже так же — Деррида [44]. И сегодня оно — некритично сориентированное на новизну, является наиболее угрожающим. Новые термины функционируют в нем или как «dżety» — модные самоклейкие украшения, либо как апотропеизмы [45], если обратиться к этнолингвистическому термину — магические формулы, заклинающие действительность в надежде, что она станет другой.

Ожидающий отважных авторов словарь новых литературоведческих терминов будет нелегко создать. Недостаточным будет в нем написать на готовых дефинициях их ре-артикуляции. Нужно будет перепахать целое поле доксографических стереотипов, которые выросли и над старой и над новой теорией.

ЛИТЕРАТУРА

1. J. LeGoff, *Inteligencja w wiekach średnich*, tłum. E. Bąkowska, Warszawa 1966, s. 6.
2. Цит. за: Т. Zieliński, *Autobiografia. Dziennik 1939–1944*, opracowała H. Geremek, Warszawa 2005, s. 138.
3. A. Okopień-Sławińska, *Jak formy osobowe grają w teatrze mowy?*, «Teksty» 1977, nr 5–6; J. Derrida, *Some Statements and Truisms about Neologisms, Newisms, Postisms, Parasitisms, and Other Small Seismisms*, w: *The State of «Theory». History, Art, and Critical Discourse*, edited with an introduction by D. Carroll, Stanford 1990.
4. S. Gajda, *Termin a współczesna nauka*, w: *Słowa i ich opis. Na drogach współczesnej leksykologii*, redakcja D. Zdunkiewicz-Jedynak, Warszawa 2012, s. 32. Autor ujmuje to «ekumeniczne» wyznanie w cudzysłów, nie lokalizując jednak cytatu; można podejrzewać, że parafrazuje ironiczną definicję «nauką jest to, co za naukę jest uważane», którą podaje H. Markiewicz, *Mój życiorys polonistyczny z historią w tle*, Kraków 2002, s. 5 (w zmienionej wersji przytacza ją za Stefanem Amsterdamskim: «nauka to, co robią uczeni, a uczeni to ci, których w danym czasie za uczonych się uważa», w: *Cytaty mądre i zabawne*, wybrał H. Markiewicz, Kraków 2002, s. 183).
5. S. Greenblatt, *W stronę poetyki kulturowej*, przeł. M. Lorek, w: jego, *Poetyka kulturowa. Pisma wybrane*, redakcja i wstęp K. Kujawińska-Courtney, Kraków 2006, s. 62.
6. Neologizm S. G. Szynkina, *Kobszcziej charakteristikie wostocnoslawianskich zagoworow*, w: *Etnojazykowa i etnokulturowa istorija Wostocznoj Jewropy*, otwistetweinnyj riedaktor W. Toporow, Moskwa 1995, s. 309. Trasy międzydyscyplinowych podróży pojęć śledzi Mieke Bal w książce *Travelling Concepts in the Humanities: A Rough Guide*, Toronto 2002. Wcześniej ich rzeczywiste wędrówki, związane z migracjami i emigracjami uczonych, opisywał Roman Jakobson, *An Example of Migratory Terms and Institutional Models: On the Fifth Anniversary of the Moscow Linguistic Circle*, w: jego, *Selected Writings*, The Hague — Paris 1971, vol. 2.
7. O historii badań nad terminami pisze S. Gajda, *Wprowadzenie do teorii terminu*, Opole 1990, s. 9 — 13.
8. J. Kmita, *Problematyka terminów teoretycznych w odniesieniu do pojęć literaturoznawczych*, Poznań 1967; J. Sławiński, *Problemy literaturoznawczej terminologii*, w: *Dokumentacja w badaniach literackich i teatralnych*, pod redakcją J. Czachowskiej, Wrocław 1970; M. Rutkowska, *Terminologia literaturoznawcza w wypowiedziach o powieści w XVIII wieku*, Wrocław 1975.
9. Z. Stoberski, *Międzynarodowa terminologia naukowa: problemy, postulaty, oczekiwania*, Warszawa 1982; *Teoretyczne podstawy terminologii*, pod red. F. Gruczy, Wrocław 1991, J. Lukszyn, W. Zmarzer, *Teoretyczne podstawy terminologii*, Warszawa 2001.

10. Por. np. T. Pawłowski, *Tworzenie pojęć i definiowanie w naukach humanistycznych*, Warszawa 1978; S. Gajda, *Współczesna polszczyzna naukowa: język czy żargon?*, Opole 1990. O przemieszczeniach terminów poetologicznych do innych nauk humanistycznych na przykładzie «narracji» pisałam w książce *Literaturoznawcze dyskursy możliwe. Studia z dziejów nowoczesnej teorii literatury w Europie środkowo-wschodniej*, Kraków 2007, s. 327–333.
11. S. Gajda, *Wprowadzenie do teorii terminu*, dz. cyt., s. 11.
12. A. Reformatskij, *Czto takoye termin i terminologija*, w: *Woprosy tierminologii*, Moskwa 1961, s. 45–53; por. też H. Jadacka, *Termin techniczny — pojęcie, budowa, poprawność*, Warszawa 1976, s. 16–17.
13. Określenia S. Gajdy, *Współczesna polska polszczyzna naukowa. Język czy żargon?*, dz. cyt., s. 56 (prefabrykat) i s. 75 (półtermin). Autor podkreśla, że pomimo mglistego znaczenia tych niby-terminów odgrywają one doniosłą rolę w życiu idei naukowych.
14. R. Piętkowa, *Wizualizacja semantyki. O niektórych sposobach zapisu we współczesnych tekstach*, w: *Styl a tekst*, red. S. Gajda, M. Bałowski, Opole 1996, s. 162.
15. J. Sławiński, *Problemy literaturoznawczej terminologii*, dz. cyt., s. 235, przyp. 1: «W gruncie rzeczy termin tylko formalnie stanowi jednostkę poziomu leksykalnego; pod względem semantycznym jest on równoważnikiem całego systemu zdań».
16. F. de Saussure pisał o tym: «...ponad rok zwlekałem z publikacją jednego artykułu, materiałowo nie przedstawiającego żadnej trudności, bo żadną miarą nie potrafiłem uniknąć wyrażen rażących z punktu widzenia logiki, wymagających radykalnej i zasadniczej reformy», E. Benveniste, *Lettres de Ferdinand de Saussure à Antoine Meillet*, w: «Cahiers Ferdinand de Saussure» 1964, nr 21, s. 92; podają za przykładem rosyjskim w: E. Benveniste, *Sossiuur połwieka spustia*, w: jego, *Obszczaja lingwistika*, pod redakcyjnej, s wstępitelnoj stat'jej Ju. Stiepanowa, Moskwa 1974, s. 52–53.
17. Cyt. za: A. Czudakow, *Łożytsia mgła na starjye stupieni*, «Żnamia» 2000, nr 10.
18. J. Sławiński, *Problemy literaturoznawczej terminologii*, dz. cyt., s. 236
19. Por. o tym M. Gasparow, *Tartuskaja szkola 1960-tych godow kak siemioticzeskoje jawlienije*, pierw. Wiener Slavische Almanach 1989, Bd. 23 (wersja rozszerzona w: *Ju. M. Lotman i tartusko-moskowskaja siemioticzeskaja szkola*, Moskwa 1994).
20. J. Sławiński, *Koncepcja języka poetyckiego Awangardy Krakowskiej*, wyd. 2: Kraków 1998, s. 284.
21. Tak J. Sławiński objaśniał decyzję wprowadzenia do drugiego wydania *Słownika terminów literackich* hasła «intertekstualność».
22. «Nie uważam, że powołanie się zarówno na tradycję grecką czy łacińską, jak i na dorobek «nowej retoryki» (...) skazuje na ścisła ortodoksję

- terminologiczną. Słowem topos oznaczać będą...» — oznajmia M. Gorczyńska, *Miejsca Leśmiana, Studium topiki krytycznej*, Kraków 2011, s.10.
23. O niektórych pisałam szczegółowo w artykułach «*Jedenaście myków mowy Lenina*», «Przestrzenie Teorii» 2010, nr 13; *Dlaczego Bachtinowski «chronotop» nie jest metaforą?*, «Studia Litteraria Polono-Slavica» 2008, nr 8; *Jak został zrobiony termin «zrobiony»? Na marginesie malarstwa analitycznego Pawła Filonowa*, «Przegląd Filozoficzno-Literacki» 2012, nr 4.
 24. «New Literary History» 2010, nr 4, vol. 41; «Daedalus» 2011, Spring; cytata z: R. Nycz, *Możliwa historia literatury. Teksty Drugie»* 2011, nr ½.
 25. Nie miejsce tu na ustalenia, o jaki typ derywacji każdorazowo chodzi ani o to, czy są w nich używane przyimki w funkcji prefiksów, prefiksy czy prefiksoidy. Językoznawcy rozmaicie traktują te cząstki — albo zachowując rozróżnienie na derywacje prefiksalne i kompozita, albo je łącząc. Racje dla łączenia podają J. Bralczyk, G. Majkowska, *Język mediów — perspektywa aksjologiczna*, w: *Język w mediach masowych*, pod red. J. Bralczyka i K. Mosiołek-Kłosińskiej, Warszawa 2000, s. 43–50. Jerzy Bartmiński obserwuje, że konstrukcje prefiksalne stanowią wręcz cechą nowego słownictwa językowy słowiańskich, nie tylko polszczyzny; por. jego *Pasywne i aktywne paneuropeizmy we współczesnym języku polskim* w: *Słownictwo współczesnej polszczyzny w okresie przemian*, red. J. Mazur, Lublin 2000, s. 109–116).
 26. Historię «heteroglozji» rekonstruuje w artykule *Glos(s) do heteroglozji, albo krótki heteroglos(s)ariusz*, w: *Literatura, kultura, tolerancja*, pod red. G. Gazdy, I. Huebner i J. Płuciennika, Kraków 2008.
 27. S. Gajda, *Współczesna polska polszczyzna naukowa. Język czy żargon?*, dz. cyt., s. 83.
 28. J. Łotman, *Struktura chudożestwiennogo tieksta*, Moskwa 1970, s.121. «Chwył dodatni», podobnie jak «ujemny» Łotmana, odwołuje się do umowności i wymaga już ustabilizowanego znaczenia.
 29. Swoiste — bo nie wszyscy językoznawcy potocznie zwani ornitologami zgodzą się na opis gniazdowy na podstawie prefiksów. Gniazda bowiem są definiowane akurat odwrotnie, jako «takie układy, w których wokół niepo pochodnego leksemu hasłowego skupiają się wszystkie derywaty powiązane z nim — bezpośrednio lub pośrednio — relacją pochodności synchronicznej», H. Jadacka, *Rzeczownik polski jako baza derywacyjna: opis gniazdowy*, Warszawa 1995, s. 22.
 30. Por. R. Przybylska, *Polisemia przyimków polskich w świetle semantyki kognitywnej*, Kraków 2002, s. 193–200.
 31. Przykłady pochodzą z obszernego zbioru tekstów z lat 80. — 90. Nie podaję ich źródeł, gdyż ilustrują tendencję, a nie indywidualne użycia.

32. Te złośliwe określenia, krytycznie oceniające język teorii o strukturalistycznym rodowodzie, nie pochodzą od rzeczników teorii nowej, ale właśnie starej, którzy doskonale zdawali sobie sprawę z dziwności i ułomności własnej mowy. Autorem pierwszego jest M. Gasparow (patrz jego *Wzgliad iz ugła*, w: *Moskowsko-tartuskaja siemioticzeskaja szkoła*, dz. cyt., s. 115), drugiego — J. Łotman (patrz jego, *Wmiesto zakliuczenija. O roli sluczajnosti w istorii kultury*, w: jego, *Izbrannyje stat'i*, t. 1. s. 472).
33. J. Sławiński, *Problemy literaturoznawczej terminologii*, dz. cyt., s. 235.
34. O kwestiach ortograficznych (zapisu z dywizem lub bez) pisze R. Piętkowa, *Wizualizacja semantyki. O niektórych sposobach zapisu we współczesnych tekstach*, w: *Styl a tekst*, red. S. Gajda, M. Bałowski, Opole 1996, s.159–168.
35. Według wyliczeń K. Waszakowej, Przejawy internacjonalizacji w słowotwórstwie współczesnej polszczyzny, Warszawa 2005, s. 122.
36. K. Waszakowa, *Przejawy internacjonalizacji w słowotwórstwie współczesnej polszczyzny*, dz. cyt., s. 202.
37. Dlatego liczne rozprawy teoretycznoliterackie i językoznawcze z początku XX wieku miały w tytule «nowe». Jeśli «będzianstwo» było oceniane negatywnie, wówczas «nowe» zmieniało się w «nowinkarstwo».
38. Patrz J. Tynianow, *Poetika. Istorija literatury. Kino*, Moskwa 1977, s. 257–258.
39. Np. J. Kuryłowicz, *Studia językoznawcze, Wybór prac opublikowanych w języku polskim*, Warszawa 1987, s. 19; L. Zawadowski, *Prawdziwy i pozorny wpływ kontekstu na znaczenie*, «Sprawozdania z Posiedzeń Wrocławskiego Tow. Naukowego», 1949.
40. R. Nycz *Możliwa historia literatury*, dz. cyt.
41. R. Nycz, dz. cyt. Podobnie S. Greeblatt, *W stronę poetyki kultury*, dz. cyt., s. 60; H. White, *Historia i sztuka dzisiaj*, w: *Historia w sztuce*, Kraków 2011, s. 181.
42. J. Trzebiński, *Twórczość a struktura pojęć*, Warszawa 1981, s. 6.
43. J. Sławiński, *Problemy literaturoznawczej terminologii*, dz. cyt., s. 227.
44. B. Ejchenbaum, *Teoria metody formalnej* [1926], przeł. R. Zimand, w: jego, *Szkiecy o prozie i poezji*, wybór i przekład L. Pszczołowska i R. Zimand, Warszawa 1978, s. 277 (tę «gazetową» naukę omawiam w artykule *Żurnal i protokół. Dwa style krytyczne rosyjskich formalistów*, «Zagadnienia Rodzajów Literackich» 2011, t. 54, z. 2); J. Derrida, dz. cyt., s. 78.
45. Je. Lewkijewskaja, *Siemnatika sławianskich wierbalnych apotropiejew*, w: *Etnojazykowaja i etnokulturnaja istorija Wostocznój Jewropy*, dz. cyt., s. 260.

Стаття подана у перекладі з польської мови проф. Малютінової Н. П.